

Научная статья

УДК 069.1:394(411.16) + 94(575.141) + 316.7 + 327.8

DOI 10.15826/izv1.2024.30.3.053

ПАРАМЕТРЫ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО МУЗЕЯ В САМАРКАНДЕ: КЕЙС С ОПРОСОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МЕСТНОЙ ОБЩИНЫ

Светлана Владиславовна Синица¹

Татьяна Юрьевна Быстрова²

¹Международный университет туризма
и культурного наследия «Шелковый путь»,
Самарканд, Узбекистан,
s.sinitza@goodeditors.ru

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
taby27@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6713-6867>

Аннотация. В статье на основе идей «новой музеологии» и данных проведенного опроса среди представителей еврейской общины Самарканда авторы фиксируют критическую ситуацию в части сохранения еврейского культурного наследия в этом мультинациональном городе. Одним из возможных путей ее улучшения может стать создание отвечающего современным стандартам музея еврейской культуры в Самарканде, который будет выступать центром толерантности и местом изучения и развития исчезающей культуры. Опрос помогает точнее определить параметры концепции музея и сделать первые шаги по формированию музейного сообщества.

Ключевые слова: музей еврейской культуры; «новая музеология»; вовлечение; социальная роль музея; опрос; еврейская культура; еврейская диаспора; Самарканд

PARAMETERS OF THE CONCEPT OF THE JEWISH MUSEUM IN SAMARKAND: CASE STUDY WITH LOCAL COMMUNITY REPRESENTATIVES

Svetlana V. Sinitza¹

Tatiana Yu. Bystrova²

¹ *Silk Road International University
of Tourism and Cultural Heritage,
Samarkand, Uzbekistan,
s.sinitza@goodeditors.ru*

² *Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
taby27@yandex.ru,*

<https://orcid.org/0000-0001-6713-6867>

Abstract. In the article on the basis of the ideas of ‘new museology’ and the data of the conducted survey among representatives of the Jewish community of Samarkand the authors fix the critical situation in terms of preservation of the Jewish cultural heritage in this multinational city. One of the possible ways to improve it could be the creation of a museum of Jewish culture in Samarkand, which would meet modern standards and act as a center of tolerance and a place for the study and development of the disappearing culture. The survey helps to define the parameters of the museum concept more precisely and to make the first steps towards the formation of the museum community.

Key words: museum of Jewish culture; ‘new museology’; involvement; social role of the museum; survey; Jewish culture; Jewish diaspora; Samarkand

Введение

Согласно новому определению, которое дал ICOM в 2022 г., музей во все более значительной мере становится местом исследований, образования, общения; его социальная роль возрастает [Museum Definition]. По данным отчета этого же года, два года назад в Узбекистане проживало чуть более 5 тыс. евреев (5425 человек) [2022 Report on International Religious Freedom], и их число с каждым годом уменьшается¹. При этом в стране проживают разнообразные представители еврейской культуры со своими традициями и обычаями: горские евреи (таты), грузинские евреи, европейские евреи (ашкенази), караимы, крымчаки, среднеазиатские евреи [Этнический атлас Узбекистана]. Евреи — национальное меньшинство Узбекистана, и сейчас, пока не стало поздно, особенно важно сохранить их материальное

¹ Для сравнения, по оценке историка Александра Лемана, в середине XIX в. посетившего Самарканд, численность евреев в 1841 г., когда население города было меньше почти в 20 раз, достигла 500 человек (<https://uzbekistan.travel/ru/o/evrejskij-kvartal-v-samarkande> (дата обращения: 21.05.2024)). В 1916 г. в Махалла-и яхудиён (еврейский квартал) Самарканда проживало 11 500 человек [Абрамов, с. 21]

и нематериальное культурное наследие. Мы считаем, что площадкой этих процессов может стать именно музей, притом создаваемый на новых основаниях, соответствующих уже обозначенному определению и установкам «новой музеологии».

В Самарканде уже существует несколько музейных экспозиций, где представлены предметы еврейской культуры: это выставка «Евреи края в прошлом и настоящем» в Самаркандском краеведческом музее, открытая в 2008 г., а также часть экспозиции о еврейской общине и иудаизме в Самаркандском музее дружбы народов и религиозной толерантности, открытом в 2022 г.

Цель статьи — определение на основе идей «новой музеологии» и данных проведенного опроса актуальности создания и основных параметров музея еврейской культуры в Самарканде, способствующего ее сохранению и развитию.

Методология работы

Методологическим основанием работы являются идеи «новой музеологии», разрабатываемой на протяжении последних 40 лет специалистами разных стран [Менш, Мейер-ван Менш; Музей как пространство образования; Харрис]. Спектр поднимаемых ими вопросов широк, что обусловлено усложняющейся структурой музейной деятельности. Поскольку в Самарканде речь идет о продолжающей существовать живой культуре, то нас в первую очередь вдохновляют подходы, акцентирующие взаимодействие посетителя с артефактом, коллекцией, музейным пространством в целом, в частности, идея Т. Адорно о преодолении «музеефикации» (по аналогии с мумификацией) [Харрис, с. 32–34].

Одним из первых принципы «новой музеологии» формулирует редактор известной коллективной монографии с таким же названием П. Верго из Университета Эссекса в Великобритании, когда в конце 1980-х гг. выводит на первый план вовлеченность посетителей в музейные практики и возрастание социальной роли музеев, работу с местными сообществами [Vergo, p. 20–21]. Бельгийский исследователь Я. ван дер Сток в начале 2000-х гг. говорит о важности учета зрительских реакций и интерпретаций, т. е. о музее, не только выполняющем функцию хранилища, но и открытом к диалогу и дискуссиям [Stock]. Такой взгляд помогает понять ресурсы музейной работы: это не просто репрезентация какой-либо культуры, а, скорее, введение в ее процессы и ценности, приобщение к усилиям по ее освоению.

В США Н. Саймон пропагандирует идею партисипаторного музея, настаивая на включении в музейное сообщество все большего числа людей, а С. Йеркович говорит о необходимости углубления исследований и значимости музейной этики, и это отчасти тоже вызвано новыми коммуникативными процессами, изменением социальной роли музеев [Yerkovich].

Важно то, что переосмысливается статус музейной коллекции в контексте социальной роли музея: это не самодостаточное, замкнутое на себя исследование, а работа, связанная с состоянием и интересами социума или его отдельных групп [Менш, Мейер-ван Менш, с. 14], при которой предмет не изымается из контекста,

а, скорее, притягивает его в музейное пространство. Опыт московского Еврейского музея, ГМИИ им. А. С. Пушкина, ряда других российских музеев [Музей как пространство образования] показывает социокультурный и коммуникативный потенциал этих площадок и подсказывает концепцию будущего музея в Самарканде, с учетом его специфики. И именно потому, что музей — «живой», невозможно инициировать его создание только «сверху». Учет ценностей, стереотипов, нарративов аудитории может способствовать усилению притягательности и уникальности музея [Быстрова; Harrison, Bartolini, DeSilvey; Sitzia].

Неотъемлемой частью комплексных действий в этом случае становятся набирающие популярность исследования посетителей (*visitor studies*) [Screven], проектный подход, алгоритм которого предполагает на начальном этапе изучение потенциальных посетителей [Exhibit Design...].

Для доказательства необходимости создания музея еврейской культуры в Самарканде, где проживает сокращающаяся еврейская диаспора, имеющая уникальное и значимое прошлое [Абрамов], в мае 2024 г. мы провели небольшой полуструктурированный опрос представителей еврейской общины Самарканда, которые посещают синагогу Ор-Авнер. Целью опроса было определить, насколько самими евреями Самарканда ощущается потребность в создании еврейского музея. Мы изучили уровень осведомленности членов еврейской общины Самарканда о том, как представлена еврейская культура в музеях Узбекистана, в каких музеях отражена история евреев страны и насколько полно, по мнению самих евреев, она представлена.

Вовлечение и интерактивность: краткий анализ еврейских музеев и центров толерантности

Доказательность нашего подхода подтверждает имеющийся в других странах опыт работы с представителями еврейской диаспоры, отличающейся очень высокой степенью сплоченности и активным следованием традициям. В процессе анализа мы выявили только один аспект — степень вовлеченности диаспоры и социума в целом в формирование экспозиции и последующую деятельность музея.

Еврейский музей Греции был основан в столице страны в 1977 г. и стал первым историко-этнографическим музеем греческой еврейской общины. Он расположен в неоклассическом здании в центре Афин, служившем синагогой. Это частное культурное учреждение, которое исследует, сохраняет, документирует и экспонирует предметы, связанные с повседневной жизнью, религиозным поклонением и историей еврейских общин со всей Греции. Экспозиция музея носит традиционный характер, при этом на онлайн-странице музея есть предложение о вступлении в общество друзей Греции, но не в сообщество посетителей данного музея².

² См.: Официальный сайт Еврейского музея в Афинах (<https://jewishmuseum.gr/en/home/>).

Дискуссия об открытии (точнее ре-открытии, поскольку первый музей существовал с 1933 по 1938 г.) Еврейского музея³ в Берлине велась в основном историками, но привлекла к себе внимание общественности [Супрыгина, с. 70–71]. В результате в 2001 г. музей был открыт. В музейной работе «...применяется много нетрадиционных методов. <...> В витринах размещены подлинные фотографии из домашних архивов семей различного социального статуса, в залах для школьников демонстрируются короткие фильмы о диаспоре, о ее религии, первых иудейских поселениях, о “великих евреях”. В этом музее экспонаты всем желающим предлагается потрогать, открыть, передвинуть, например, тяжелую котомку торговца-странника. <...> Еврейский музей является образовательным центром и одновременно, как это было обусловлено концепцией, “не дает скучать” посетителям» [Там же, с. 77].

Близкий по направленности, но находящийся в совершенно ином социокультурном контексте Музей толерантности в Иерусалиме⁴ рассказывает на официальном сайте о своем здании, но ничего не говорит о коммьюнити. Большинство его событий имеют вполне «классический» характер официальных мероприятий. По всей вероятности, задача усиления сплоченности сообщества здесь не стоит.

Еврейский музей и центр толерантности в Москве существует с 2012 г. На сайте музея отражена история его создания, приведены слова директора музея А. М. Бороды, которым полностью соответствует сегодняшняя концепция работы: «Нам важно было создать не просто хранилище знаний о давно минувших днях, но постоянно развивающийся культурный центр — музей прошлого, настоящего и будущего, эволюционирующий, обретающий новые формы» [История музея]. В музее проводится много мероприятий (тренинги, кинопоказы, воркшопы, летние резиденции, конференции и др.), в которых участвуют жители, посетители разных возрастов и групп, исследователи. Приобщение к культуре происходит через ридинги, еду, творческие практики. Показательно, что заявка писалась на создание образовательного центра, под который к тому же адаптировали конструктивистский объект — Бахметьевский автобусный парк. Архитектурное решение выбирали в ходе закрытого конкурса: было решено отвергнуть проект компании The Hettema Group, более «похожий на аттракцион», и принять более взвешенный проект компании Ralph Appelbaum Associates (RAA), которая делала мемориал Холокоста в Вашингтоне и принимала участие в создании других культурных институций по всему миру. Специалисты компании RAA изучали российскую аудиторию, параллельно над сбором материала работала международная команда специалистов. Связям музея с территорией способствует и то, что со временем архитектурный комплекс Бахметьевского автобусного парка тоже стал значимым объектом экспонирования.

³ См.: Официальный сайт музея Jüdisches Museum Berlin (<http://www.jmberlin.de30>).

⁴ См.: Официальный сайт Музея толерантности в Иерусалиме (<https://motj.org.il/en/museum/>).

Анализ музеев показывает две основные тенденции, которые при написании концепции еврейского музея в Самарканде можно соотносить с данными опроса. Во-первых, открытость и инновационность в работе с посетителями у еврейского музея существенно зависит от времени его создания. Как это свойственно и другим категориям, более ранние по времени возникновения музеи не слишком быстро обновляют ставшие привычными форматы. Во-вторых, такая активность возникает в тех локациях, где представителям диаспоры было сложно жить и выживать, людям было недостаточно только религиозных форм взаимодействия для передачи и осмысления своего опыта. Формы репрезентации становятся своеобразным вызовом [Шнирельман, с. 26]. К таким точкам сегодня относится и Самарканд.

Данные об аудитории опроса

В силу специфики темы опрос не мог быть масштабным, в нем приняли участие 19 человек: 13 мужчин и 6 женщин в возрасте от 35 до 78 лет, при этом один из респондентов указал, что не причисляет себя к самаркандской общине, хотя посещает одну из самаркандских синагог — Ор-Авнер (он ответил, что родом из Санкт-Петербурга, Россия). 11 респондентов относят себя к бухарским евреям, 6 — к ашкеназам, 4 — к сефардам, один — к горским евреям.

Бухарско-еврейский язык для 11 респондентов родной, при этом ни один из них не отметил, что хотел бы передать знание уникального языка своим детям и внукам. Для 13 человек родной — русский язык. Среди родных языков отвечающие указывали немецкий, идиш, иврит, горско-еврейский язык (джухури), английский, испанский и португальский. Все опрошенные представители еврейской общины общаются между собой на русском языке, как дополнительный язык коммуникации 7 респондентов используют бухарско-еврейский язык. Тем более странным выглядит факт, что ни один из них не задумался о важности передачи этого нематериального культурного наследия следующим поколениям.

Все опрошенные посещают самаркандскую синагогу Ор-Авнер, 6 человек отмечают, что посещают еще синагогу Гумбаз, построенную в конце XIX в. в старой части Самарканда.

Комментарии к вопросам и ответам

Небольшой опрос, проведенный офлайн весной 2024 г., представляет собой часть магистерской диссертации одного из авторов. Вопросы были полуоткрытыми, в коммуникативном блоке пояснялось, что приветствуются комментарии. Для нас это, прежде всего, качественное исследование, формулировки которого ради усиления достоверности в ряде случаев могут быть интерпретированы соответственно основной гипотезе о необходимости создания еврейского музея в Самарканде. При таком подходе важно не столько количество отвечающих, сколько их формулировки, аргументы, мотивы. Именно они важны для выработки концепции музея и выбора форм экспонирования и форм работы с посетителями.

Один из первых вопросов основного блока касался отношения посетителей синагоги к туристам, которые в нее заходят. Формулировка имела два назначения: точнее представить степень закрытости или открытости сообщества; в случае доминирующих положительных ответов — оценить готовность представителей еврейской диаспоры к созданию светского общественного пространства, связанного с их культурой.

Ответы показали, что 78,9 % (15 человек) положительно относятся к туристам в синагоге, остальные 21,1 % (4 человека) — нейтрально. Опрошенные пояснили свое отношение. У 6 респондентов причиной положительной реакции на присутствие туристов является материальный мотив: благотворительность и пожертвования от туристов. Религиозный мотив прослеживается у 5 человек: двое цитируют место из Торы, где говорится: «Любите пришельца, ибо пришельцами вы были в стране египетской» (Дварим 10:9), еще один ответ: «не препятствовать людям знать Творца», другой, похожий — «помогать Всевышнему оживать людей»⁵. Более прагматическая причина у другого респондента: «Туристы составляют миньян (10 человек)». Из этого ответа видно, что представители общины не всегда собирают необходимое количество мужчин для молитвы.

Отдельного комментария заслуживает следующий ответ: «Они [туристы] часто нарушают порядок молитв, но чисто читают по свитку». Видно, что под «туристами» респондент понимает евреев из другой общины, которые как минимум знают иврит и могут читать свитки Торы.

В этом исследовании не ставится задача выяснить, с какой целью туристы посещают синагоги, но в последующих работах интересно изучить этот вопрос и учесть мотивы посетителей в концепции музейной экспозиции.

Ответы двух респондентов связаны с межкультурными контактами. Они отмечают, что туристы вбирают еврейскую культуру и делятся своей. Одна женщина 63 лет (скорее всего, в шутку) сказала, что планирует среди туристов «найти себе мужа-иностранца, молодого, доброго и богатого». 4 респондента не пояснили свой ответ.

Поскольку ответы давали письменно, можно обратить внимание еще на одну особенность. В ответах встречаются слова «Бог» (даже вариант с маленькой буквы: «бог»), «Творец» и «Всевышний» в нетрадиционном для еврейского написания полном варианте, без сокращений («Б-г», «Вс-вышний» и пр.). Возможно, респонденты специально упрощали письменные формулировки, поскольку предполагали, что инициаторы опроса не сталкивались прежде с еврейской культурой и могут их не понять.

Следующим был вопрос «Какие традиции и обычаи евреев Узбекистана вы бы хотели передать своим детям и внукам?». Некоторыми респондентами он был воспринят как личный, в контексте индивидуальной жизненной ситуации, отсюда такие ответы, как «дети и внуки за границей — от меня мало что зависит...» или «все — но ни детей, ни внуков не предвидится, остается надеяться на чудо Творца».

⁵ Здесь и во всех дальнейших ответах сохранены стиль и орфография респондентов.

Мы стремились выяснить, какое нематериальное культурное наследие евреи Самарканда выделяют как особенно важное, но в большинстве своем ответы получились абстрактными, хотя и развернутыми. 6 респондентов упоминают обряд бар-мицвы или бат-мицвы — праздник совершеннолетия еврейских мальчиков и девочек соответственно, из них три человека по личной инициативе отметили возраст совершения обряда (13 лет для мальчиков, 12 лет для девочек). Из этого можно сделать вывод, что респондентам важно уточнить обстоятельства проведения обряда. Возможно, они не уверены, что еврейские религиозные обычаи известны за пределами общины. Исходя из этого мы можем констатировать низкую осведомленность людей, проживающих по соседству, о еврейской культуре их сограждан.

В двух анкетах говорится о наложении тфилина (коробочки, где содержатся свитки с отрывками из Торы, мужчины накладывают эту коробочку с помощью ремешков на руку или на голову), в одной из них — о циците (особым образом сплетенные нити, которые евреи носят с одеждой, имеющей четыре угла; один из сакральных элементов ритуальной жизни).

7 респондентов отмечают как неотъемлемую часть культурного наследия евреев Узбекистана, которую необходимо передать будущим поколениям, проведение национальных еврейских — и других — праздников. Показателен ответ, демонстрирующий, что респондент осознает в контексте традиций и обычаев евреев Узбекистана важность всех авраамических религий: детям и внукам планируется передать «100 % иудаизм; 80 % христианство; 75 % ислам».

В перечне традиций и обычаев 7 респондентов в разных аспектах указывают на Тору: «исполнение заповедей», «изучение Танаха» и др. Очевидно, что религия играет важную роль в культурной жизни самаркандских евреев — это необходимо учитывать при разработке экспозиции и программ еврейского музея.

В четырех случаях как одну из еврейских традиций опрошенные выделяют соблюдение кашрута — системы правил, определяющих соответствие чего-либо еврейскому Закону (галахи). Например, троекратное напутствие молодых: «плодитесь и размножайтесь». Есть ответы, которые можно отнести к общечеловеческим моральным императивам: почитать родителей, уважать стариков и правителей, быть трудолюбивым, помогать нуждающимся и др. Можно выделить очень характерный для Самарканда и часто комментируемый всеми местными жителями «обычай» «признавать правоту других», т. е. терпимо относиться к инакомыслящим, что является одним из признаков толерантности.

Примечателен посыл одного из респондентов: «Детям и внукам необходимо передать все традиции, что обогатит обычаи других общин и донесет культуру евреев Узбекистана до народов других стран». При этом другие этносы самого Узбекистана не упоминаются: можно увидеть здесь признак того, что евреям Узбекистана сложно налаживать диалог со своими соседями. Еще один респондент отмечает в качестве традиций и обычаев евреев Узбекистана «уважение к другим религиям», т. е. воспринимает религиозную толерантность как одну из характеристик еврейской культуры в этой стране. Он же упоминает «любовь к Узбекистану»

как одну из традиций евреев, которые здесь живут. Эти ответы подтверждают необходимость демонстрации в экспозиции и активностях возможного музея не только связей внутри диаспоры по всему миру, но и межнациональных отношений и ценностей. Подобные концепты почти полностью отсутствуют в известных нам еврейских музеях, но именно они важны и специфичны для Самарканда как «перекрестка культур»⁶.

Неожиданно, что в этом и других вопросах ни один респондент не упомянул в качестве нематериального наследия шашмакомы — уникальные музыкальные произведения, созданные бухарскими евреями и ставшие одной из «визитных карточек» культуры Узбекистана в целом.

При определении исторических мест Узбекистана, связанных с еврейской культурой, 13 человек назвали дом купца А. Калантарова в Самарканде. Один респондент отметил экспозицию Исаака Лурье, другой — его архив. Действительно, ученый занимался экспозицией туземно-еврейского музея, который находился в старой части города, но музей был закрыт в 1937 г. [Евреи края в прошлом и настоящем, с. 6]. Многие предметы еврейской культуры из коллекции краеведческого музея действительно собраны И. С. Лурье, однако современная выставка «Евреи края в прошлом и настоящем» в Самаркандском краеведческом музее создана под руководством генерального директора музея-заповедника Н. У. Махмудова. Руководил проектом заместитель генерального директора по науке Р. Каюмов, а консультировал по вопросам религии и традиций бывший председатель общины бухарских евреев М. Фазылов [Там же, с. 7].

Абсолютное большинство респондентов — 16 человек — упомянули в качестве исторических мест, связанных с еврейской культурой, синагоги, причем не только самаркандские (Гумбаз и Ор-Авнер), но и бухарскую, и даже «все синагоги Узбекистана».

10 респондентов отметили могилу пророка Даниила, 8 — пещеру Давида (среди них трое назвали ее «домом» Давида, а два человека — даже «музеем» Давида). 4 опрошенных вспомнили про «Дом Дружбы (народов)»: скорее всего, имеется в виду комплекс «Дом дружбы и негосударственных некоммерческих организаций», открытый в 2021 г. в Самарканде. В комплексе располагаются культурные центры разных народов, в том числе еврейский культурный центр. В ответах на данный вопрос респонденты не упомянули Музей дружбы народов и религиозной толерантности, открытый полтора года назад в парке Навои в Самарканде. Зато дважды упоминаются «подпольные дома» без адреса (один раз в таком контексте: «синагоги, церкви, мечети, подпольные дома и т. д. — все места, где евреи молились, оставаясь под запретом»).

Наконец, чтобы выяснить профессиональную конкурентоспособность потенциального музея, мы задали вопрос о том, ведется ли работа по сохранению еврейского культурного наследия Самарканда другими площадками. Ответы

⁶ Формулировка «Самарканд — перекресток культур» есть в документах ЮНЕСКО, определяющих статус города как объекта всемирного культурного наследия.

показали, что 3 респондента не заметили предметы еврейской культуры в музеях Узбекистана. Были и прямо противоположные ответы: «...Во всех музеях что-то да есть» — и «во всех, кроме самаркандских». 8 респондентов вспомнили, что видели предметы еврейской культуры в местном краеведческом музее, еще два респондента упомянули «экспозицию Исаака Лурии» (как уже сказано, в настоящее время ее не существует). 7 респондентов отметили дом купца Калантарова, в котором находится выставка «Евреи края в прошлом и настоящем». Один респондент в качестве музея с еврейскими предметами назвал синагогу Бухары и самаркандские синагоги Гумбаз и Ор-Авнер.

Только 4 респондента считают, что в музеях Узбекистана можно получить полное представление о еврейской диаспоре страны. 13 человек пишут о «некоторых знаниях». При этом 18 человек уверены, что презентация еврейской культуры в музеях Узбекистана положительно влияет на еврейские общины страны.

За создание музея еврейской диаспоры в Самарканде респонденты выступили почти единогласно, только один респондент против, но его позиция коррелирует с идеями «новой музеологии»: «Музеи и архивы показывали прошлую жизнь, все это порушилось. Надо развивать настоящую светскую жизнь евреев, а не писать во всех уголках, что в Самарканде не осталось евреев».

Важно, что люди открыты и неравнодушны. Они делятся наболевшим: «Бывшие и существующие экспонаты должны быть собраны, заархивированы и расположены в одном музее. А пока все зарывается в землю». Есть и довольно радикальный ответ: «Пора ломать все представления о существующей диаспоре».

Местом для создания музея еврейской культуры в Самарканде большинство респондентов видят историческую синагогу Гумбаз (8 человек), а также дом купца Калантарова, в котором сегодня расположен Областной краеведческий музей (11 человек). Двое опрошенных предлагают разместить музей в Музее дружбы народов.

Выводы

Исследование показало, что идеи «новой музеологии» (в частности, получающая распространение концепция вовлечения [Быстрова]) могут быть отправной точкой при разработке концепции еврейского музея в Самарканде. При таком подходе опрос, пусть даже небольшой и несовершенный, становится способом налаживания коммуникаций и источником многочисленных качественных данных, которые могут использовать проектировщики и кураторы будущего музея. Знакомясь с подобными шагами, другие музеи также могут использовать данный опыт, помогающий находить инновационные решения, меняющие роль музея в современной культуре.

- Абрамов М. М.* Бухарские евреи в Самарканде (1843–1917 гг.). Самарканд, 1993.
- Быстрова Т. Ю.* Вовлечение молодежи в социокультурный школьный проект: между научной методологией и стереотипами аудиторий // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., 18–19 апр. 2022 г. : в 2 т. Екатеринбург, 2022. Т. 1. С. 253–257.
- Евреи края в прошлом и настоящем // *Jews of the Region in the Past and Present* : Exhibition Catalog. Самарканд, 2022.
- История музея // Еврейский музей и центр толерантности : офиц. сайт. URL: <https://www.jewish-museum.ru/about-the-museum/museum-history/>
- Мени П. ван, Мейер-ван Мени Л.* Новые тренды в музеологии / пер. с англ. В. Г. Анянueva. М., 2021.
- Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / отв. ред. А. Щербакова ; сост. Н. Копелянская. М., 2012.
- Сутрыгина Г. Г.* Еврейский музей в Берлине // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2008. № 2(3). С. 69–85.
- Харрис Дж.* «Наша печаль, наше хрупкое мужество»: музеефикация и новая музеология // Вопр. музеологии. 2011. № 1. С. 31–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasha-pechal-nashe-hrupkoe-muzhestvo-muzeefikatsiya-i-novaya-muzeologiya> (дата обращения: 13.03.2024).
- Шнирельман В. А.* Еврейские музеи: культурный императив и вызовы современности // Наследие веков. 2015. № 5. С. 26–39.
- Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002. URL: https://mytashkent.uz/wp-content/uploads/2022/04/etnicheskij-atlas-uzbekistana_260422-101755.pdf (дата обращения: 24.06.2024).
- 2022 Report on International Religious Freedom: Uzbekistan / by U.S. Mission Uzbekistan. URL: <https://uz.usembassy.gov/2022-report-on-international-religious-freedom-uzbekistan/> (date of access: 22.06.2024).
- Exhibit Design and Development Workbook. Texas Historical Commission. 2015. URL: <https://www.thc.texas.gov/public/upload/publications/2015%20LR%20Museum%20Services%20Exhibit%20Development%20Workbook%20with%20Introduction.pdf> (date of access: 21.05.2024).
- Harrison R., Bartolini N., DeSilvey C. et al.* Heritage Future // *Archaeology International*. № 19. P. 68–72. <https://doi.org/10.5334/ai.1912>
- Museum Definition // ICOM. International Council of Museums. URL: <https://icom.museum/en/resources/standards-guidelines/museum-definition/> (date of access: 16.03.2024).
- Screven C. G.* Visitor studies: an introduction // *Museum international*. 1993. Vol. 45, № 2. P. 4–5. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000095142> (date of access: 14.03.2024).
- Sitzia E.* Museology and Its Others: Analyzing Exhibition Storytelling Through Narratology, Space Analysis, Discourse Analysis, and Ethnographic Research // *Bijsterveld K., Swinnen A. (eds). Interdisciplinarity in the Scholarly Life Cycle*. Cham, 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-031-11108-2_9
- Stock J. van der.* Ambiguous intentions, multiple interpretations: An “other” look at printed images from the sixteenth century // *Nederlands Kunsthistorisch Jaarboek (NKJ) / Netherlands Yearbook for History of Art*. 2001. № 52. P. 17–29. URL: <http://www.jstor.org/stable/24705980> (date of access: 19.03.2024).
- Vergo P.* The New Museology. L., 1989.
- Yerkovich S.* A Practical Guide to Museum Ethics. Washington, 2016.

Статья поступила в редакцию 25.06.2024 г.